

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИИ /
METHODOLOGY AND METHODS
OF POLITICAL SCIENCE TEACHING

Серия «Политология. Религиоведение»
2013. № 1 (10). С. 123–130
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 24(091)

**Политико-правовые и методологические аспекты курса
«Политика и религия». Часть 1**

И. А. Арзуманов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В первой части статьи дается анализ методологических концептов курса «Политика и религия». Рассматриваются его цель, задачи, а также базовые составляющие, связанные с понятиями *политическая система, государство, политические отношения, вероисповедная политика*.

Ключевые слова: политика, религия, политическая система, государство, политические отношения, вероисповедная политика.

Современный этап государственно-конфессиональных отношений характеризуется, с одной стороны, господством их либеральной модели, а с другой, возвратом к формам государственного этатизма в практике вероисповедной политики [1].

Сопряжение этих двух по сути противоположных тенденций – достаточно сложная методологическая проблема, на современном этапе не имеющая однозначных базовых теоретических оснований для ее решения, а потому представляющая острый интерес для целого ряда научно-академических страт – от политологов и правоведов до культурологов и историков.

Курс «Политика и религия», предназначенный для студентов отделения «Политология» исторического факультета Иркутского государственного университета, преследует цель, опираясь на разнообразный и многоаспектный исторический и современный социально-политический, правовой, религиоведческий материал, дать обобщенное представление:

- о месте и роли религиозных институтов в политической системе общества;
- о понятии вероисповедной политики в системной проекции функций государства в контексте властеотношений;
- о нормативно-правовой базе регулирования политических отношений в религиозной области;

- об основных моделях взаимоотношений государства и религиозных институтов в мировой и отечественной практике;
- о сущности и эволюции государственно-конфессиональных отношений и их роли в политической истории России;
- о принципах, содержании и итогах вероисповедных реформ, проводившихся в различные периоды отечественной истории.

В основу методологического базиса изложения курса положена важнейшая из парадигм современной политологической мысли – *культурологическая*. Не случайно А. С. Панарин, говоря о методологических доминантах исследования временно-пространственных параметров политических перемен эпохи и социокультурного опыта, отмечает, что культурологический подход в их оценке является объективно доминирующим [11, с. 14]. В рамках культурологии как одной из социально-политических теорий современности культура рассматривается в качестве уникального социального организма, имеющего собственные законы существования, обусловленные спецификой превалирующих ценностных ориентаций общего социального континуума. В данном контексте историко-логический, историко-, философско-, культур-правовой и культур-цивилизационный подходы и методы являются базовыми. Данные положения особо актуализируются в контексте политической онтологии, в границах которой лежат проблемы объективных оснований вероисповедной политики, специфики ее детерминизма, политико-пространственных и политико-временных характеристик, ее институциональных и, в особенности, внеинституциональных аспектов.

Историко-логический подход позволяет дифференцированно структурировать исходную социомпирику и имеющиеся наработки научно-академического и религиоведческого дискурсов в контексте поставленных целей и задач.

Историко-правовой подход является методологически определяющим в процессе анализа проблем соотношения государственной власти и государственной политики в вероисповедной сфере XX–XXI вв.

С позиций философско-, культур-правового и культур-цивилизационного подходов выявляются религиозно-конфессиональные детерминанты политической культуры и этики, психологии и традиций как в макро- (общенациональные и общегосударственные архетипы), так и в социоструктурной проекциях (этноконфессиональные субкультуры). В целом данные методологические позиции выводят дидактические составляющие за рамки описательной или сугубо теоретической доминант.

Особенности курса определяются также его целью и задачами. Основная цель курса заключается в ознакомлении с основными понятиями и проблемами политики в сфере религиозного пространства России и региона, а также базовыми политико-правовыми аспектами религиозных систем.

Задачи курса имеют ряд методолого-педагогических особенностей. К главным из них относится усвоение студентами изложенных в курсе понятий и категорий проблематики государственно-конфессиональных отношений в контексте научно-академического политологического, теоретико- и историко-

правового дискурсов. Важной задачей является формирование у студентов четкого уяснения политологических особенностей всех этапов государственно-конфессиональных отношений, излагаемых в ключе историко-диахронного подхода. В процессе прохождения курса ставится вопрос о необходимости выработки методологических критериев нормативно-правового обеспечения вероисповедной политики с позиций культур-цивилизационного и культур-правового подходов. Одной из основных задач курса является также ознакомление студентов с особенностями государственно-конфессиональных отношений в Восточной Сибири как в историко-логическом, так и в глобально-геополитическом плане. В этой связи позиции, связанные с конфессиональными составляющими вероисповедной политики, носят принципиальный характер. Уяснение философско-политической природы современной проблематики всего идеологического блока, так или иначе связанного с культур-религиозным фактором, базируется на историко-культурных особенностях доктринального уровня религиозного сознания и производных социологических манифестаций религиозных институтов и их конфессиональных производных. Без уяснения понятийной дифференциации «религиозного» и «конфессионального» трудно будет понять, в чем же, собственно, разница между концептами вероисповедной политики, например, доимперского и имперского периодов российской истории, поскольку, например, в имперский период *государственно-конфессиональные* отношения были детерминированы иными подходами в регуляции функциональных характеристик поликонфессионального спектра. Данный аспект важен, поскольку методологически курс выстраивается на базе компаративистского анализа практики вероисповедной политики имперского и постсоветского периодов, что связано с их типологической идентификацией.

Последний аспект также имеет ряд особенностей, раскрываемых в материалах первой темы «Теоретические основы курса».

В рамках первой темы рассматриваются основные модели понятийно-категориального соотношения «политики» и «религии», в той или иной мере увязываемых с понятием государства как политической организации и производного от него методолого-оперативного базиса политологической плоскости анализа. С позиций дедуктивного подхода общей отправной точкой является понятие «политическая система», под которой понимаются взятые в единстве и взаимосвязи действующие в обществе политические организации, выступающие как целостное образование, имеющее свою структуру.

Достаточно важным представляется в этой связи уяснение методологических взаимосвязей структурных элементов политической системы и субъектов политической системы общества.

Ключевыми в данном соотношении являются государство, политическая идеология и политическая культура, нормы, регулирующие политическую деятельность и политические отношения, а также общественные организации, к которым относятся и организации религиозных систем.

Функционально-оперативной характеристикой является нормативно-правовой базис регулирования государственно-конфессиональных отноше-

ний, рассматриваемый в контексте специфики историко-политических моделей их реализации на примере, прежде всего, российской истории государства, права и специфики политических отношений. Конфессиональная специфика определяется в качестве основного признака понятийного анализа вероисповедной политики и базового понятия при анализе специфики государственно-конфессиональных отношений. Последние определяются как исторически обусловленная объективная взаимосвязь между государством и конфессией, возникающая главным образом в политико-управленческой и идеологической сферах общественной жизни через негативное, нейтральное или позитивное взаимодействие в рамках вероисповедной политики.

Одно из современных определений вероисповедной политики, носящее рабочий характер, звучит так: «Вероисповедная политика... – система действий государства, включающая целеполагание, правовое обоснование, комплекс организационно-практических мер по обеспечению свободы совести и вероисповедания человека и гражданина (каждого), по созданию необходимых условий для удовлетворения религиозных потребностей, по регулированию деятельности религиозных объединений в качестве субъектов публичного права в той части, которая выходит за рамки канонического устройства и культовой практики и в силу этого становится общественной деятельностью; по осуществлению сотрудничества с ними в решении социально и государственно важных проблем; по достижению межрелигиозного и межконфессионального мира» [2, с. 9].

Данное определение во второй своей части включает в себя основные признаки либеральной модели политических отношений в религиозной сфере, подразумевающей, прежде всего, меры организационно-практического характера, обеспечивающие свободу совести и вероисповедания каждого человека и гражданина. Но динамико-функциональная система действий государства как основного элемента политической системы (влияющей на характер и природу общественных отношений в культур-религиозной сфере) при любых моделях организации политических отношений включает в себя целеполагание, правовое обоснование и комплекс организационно-практических мер.

По своему содержанию право в религиозной сфере не только представляет собой социально-культурный комплекс норм, идей и отношений, определяющий характер и направления человеческой деятельности, формирующий определенные поведенческие стереотипы [4, с. 64], но и наполняется конкретным идеологическим содержанием. Данные положения непосредственно касаются как правовых (понимается весь механизм правового регулирования, которым располагает государство), так и неправовых (в том числе и идеологической) форм реализации функций государства.

Рассмотрение этих базовых характеристик и специфики реализации моделей государственно-конфессиональных отношений в общем континууме функционирования политической системы России осуществляется в разделе курса, посвященных историческому обзору вопроса формирования современных подходов к проблематике соотношения политики и религии.

Открывает историко-политический блок курса вторая тема – «Государство и церковь в Древней Руси (X – первая половина XIII в.)». В ней рассматриваются основные сферы взаимоотношений государства и православной церкви как основных субъектов политической системы в контексте истории России. Анализ места и роли церкви в политической жизни Киевской Руси предполагает освещение ее следующих социофункциональных составляющих: идеологического обеспечения княжеской власти, миротворческой функции в междоусобных конфликтах, дипломатической миссии. В контексте анализа источников материального обеспечения церкви рассматриваемого периода анализируются процессы формирования древнерусской десятины, собственности на землю, службы мер и весов и др. Вопросы судебных прав и привилегий церкви коррелируют с вопросами размежевания церковной и светской юрисдикции. Данный раздел базируется на рассмотрении основных документов и памятников права по истории государственно-церковных отношений в России, памятников древнерусского права об имущественном и правовом положении церкви.

Дальнейшие изменения в структуре и организационном устройстве православной церкви в контексте взаимоотношений с государством рассматриваются в рамках третьей темы – «Русское государство и церковь в период феодальной раздробленности и монголо-татарского ига».

Основным методологическим ориентиром данного тематического раздела является политический императив в процессах организации власти и управления под контролем Золотой Орды. Геополитические и экономические последствия для Руси монгольского завоевания непосредственно определялись распадом Древнерусского государства на удельные княжества и политической монгольских ханов в отношении к религиозным институтам в общем и православной церкви в частности.

Как известно, развитие взаимоотношений светской и церковной власти в процессе политической консолидации Северо-Восточной Руси и усиления борьбы против монгольского ига завершилось попытками ограничения экономических привилегий и юрисдикции церкви со стороны великих князей накануне и после свержения монгольского ига [13, с. 10–68]. Анализируя роль церкви в процессах политической консолидации Руси данного периода, необходимо отметить два методологических фактора.

Первый фактор связан с особенностями административного устройства церкви доавтокефального периода. Митрополиты на Руси не только поставались в Константинополе, но и находились в каноническом подчинении Константинопольскому патриаршему престолу. Как отмечает В. А. Цыпин, «в эпоху удельной раздробленности власть общерусского митрополита, поставленного за пределами Русского государства, и существующая независимо от местных князей, служила сохранению единства Русской Церкви, единению Руси, противодействовала сепаратистским тенденциям удельных княжеств» [16, с. 190–192].

Вторым фактором является вероисповедная политика монгольских ханов. К основным принципам данной политики, требующим детального рас-

смотрения и проецирования на последующие периоды истории государственно-конфессиональных отношений, необходимо отнести веротерпимость, экономические привилегии, судебно-правовой иммунитет. В этой связи отмечается, что методология ханской администрации по сути совпадает с политическими приоритетами в отношении к церкви дальнейших российских администраций. Особенно это касается имперского периода, принципы вероисповедной политики которого складывались преимущественно в рамках протестантской идеологии: территориализма и государственного этатизма. Данный раздел курса требует определенного историко-логического экскурса в особенности социо-политических процессов формирования ранней Реформации, заложившей основы дальнейшей тотальной секуляризации власти и основных идеологических параметров современного гражданского общества – отделение церкви от государства, свобода совести и вероисповедания (основные социо-политические параметры ранней Реформации можно рассмотреть на примере анализа произведений М. Лютера. Анализ должен касаться трех основных логически вычлняемых положений, а именно: роль и значение канонического права, проблема толкования Св. Писания (как отмечает Э. Ю. Соловьев, свобода совести – своеобразная предтеча раннебуржуазных свобод слова, перемещения, профессии, собственности) и роли власти в организации церковной жизни) [7, с. 13–55; 8, с. 132–137, 200; 6, с. 3, 4, 8; 14, с. 267–274; 15].

Начальный этап становления данных принципов, касающихся дальнейшего разворота их в условиях формирующегося абсолютизма в России XVII–XIX вв., рассматривается в рамках четвертой темы «Государственно-церковные отношения в России в XVI–XVII вв.: эпоха противоречий и конфликтов». Методологически осмысление роли церкви в формировании Русского централизованного государства должно проходить с учетом объективных реалий формирования интеграционных и унификационных тенденций во внутренней политике государства.

Раздел, посвященный разработке методологического базиса вероисповедной политики России имперского периода (нач. XVIII – нач. XX в.), открывает пятая тема – «Реформы вероисповедной политики 1-й четверти XVIII в.: этатизация религиозной политики».

Центральным методологическим маркером данного раздела является анализ практики вероисповедной политики в условиях геополитической экспансии России и складывающихся в связи с этим полиэтничности и поликонфессиональности. Реформы Петра I затронули практически все стороны жизни страны: структуру и методы государственного управления, образование, науку. Необходимо учитывать, что ускорение процесса огосударствления церкви сопровождалось наступлением государства на имущественные и судебные права и привилегии церкви. Анализ первоначального этапа данных процессов предполагает рассмотрение вопросов, связанных с восстановлением Монастырского приказа; введением коллегиального принципа и отменой принципа единоначалия в высшем церковном управлении; принятием «Ду-

ховного регламента»; учреждением Святейшего синода и института обер-прокуратуры.

Данный период характеризуется составляющими имперского императива и господством принципа «цезаропапизма», в основе которого лежит возвеличивание государства в условиях формирования абсолютизма. В связи с последним интересен спекулятивный ряд, связанный как с рефлексиями политических взглядов Т. Гоббса с его теорией институциональной и правовой надстройки государства над церковью, с одной стороны, так и с протестантским принципом снятия барьера между мирским и сакральным, с другой. В условиях России данный ряд наводит на размышления, связанные с сакрализацией мирской власти и в этом контексте фактической реанимацией теократической идеи, описываемой М. Лютером и реализованной кальвинизмом. В этом отношении, в качестве методологического прецедента, интересен проект Кальвина о церковном устройстве, предложенный Женевскому магистрату. Он предусматривал приведение граждан на верность вероисповеданию, надзор за частной жизнью граждан со стороны пасторов и систему церковных наказаний для недостойных членов церкви [3; 5; 12].

Сам по себе синтез абсолютистских по форме и протестантских по сути средств вероисповедной политики имперского периода заслуживает особого политико-философского осмысления в свете поиска методологического прецедента в сфере религиозной политики России дня сегодняшнего (с учетом, с одной стороны, «олигархической либерализации» экономики и «бюрократической демократизации» общества [10, с. 218], конституционно-законодательной базы гражданского гуманизма (имеющего в своих истоках упоминаемые принципы ранней Реформации, а с другой (как объективной реакции) – тенденций к авторитаризму (проекция «абсолютизма» по духу). В этом же ключе лежат вполне гражданско-гуманитарные надежды на возрождение религиозного начала, которое призвано не только упрочить нравственные ценности в обществе, но и является важнейшим средством воздействия на людей как способ управления их восприятием и поведением [9, с. 203].

1. *Арзуманов И. А.* Методологические концепты вероисповедной политики Восточной Сибири XVIII–XXI вв.: философско-правовой аспект исследования / И. А. Арзуманов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 192 с.

2. Вероисповедная политика Российского государства : учеб. пособие / отв. ред. М. О. Шахов. – М. : Изд-во РАГС, 2003. – 205 с.

3. *Виппер Р. Ю.* Кальвин // Христианство: энциклопедический словарь: в 3 т. / С. С. Аверинцев (гл. ред.). – М., 1993. – Т. 1. – С. 668–671.

4. *Гриценко Г. Д.* Правопонимание в современной российской юриспруденции // Вестн. Ставропольского гос. ун-та. – 2002. – № 29. – С. 61–67.

5. *Лютер Мартин.* 95 тезисов / М. Лютер ; сост., вступ. ст., прим. и коммент. И. Фокина ; пер. с нем. И. Каркалайнен. – СПб. : Роза мира, 2002. – 673 с.

6. *Лютер Мартин.* К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства // Лютер Мартин. Время молчания прошло: избранные произведения 1520–1526 гг. – Харьков, 1992. – С. 20–29.

7. *Лютер Мартин*. О светской власти. В какой мере ей следует повиноваться // Лютер Мартин. Время молчания прошло : избранные произведения 1520–1526 гг. / пер с нем., ист. очерк, комментарии Ю. А. Голубкина. – Харьков, 1992. – С. 113–152.
8. *Макнил Дж. Т.* Введение к американскому изданию 1960 года // Кальвин Жан. Наставление в христианской вере : в 3 т. / пер. с фр. и англ. (комментарий) А. Д. Бакулов ; ред. Г. В. Вдовина ; науч. ред. А. Кимелев. – М., 1997. – Т. 1. – 178 с.
9. *Митрохин Л. Н.* Религия и культура (философские очерки) / Л. Н. Митрохин. – М. : РАН, 2000. – 318 с.
10. *Панарин А. С.* Философия политики : учеб. пособие / А. С. Панарин. – М. : Новая школа, 1996.
11. Право и культура : монография / В. С. Нерсисянц [и др.]. – М. : Изд-во РУДН, 2002. – 423 с.
12. *Порозовская Б. Д.* Жан Кальвин. Его жизнь и реформаторская деятельность // Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола : биограф. очерки / М. М. Филиппов [и др.]. – М., 1995. – С. 57–166.
13. Русское православие: веки истории / науч. ред. А. И. Клибанов. – М. : Политиздат, 1989. – 720 с.
14. *Соловьев Э. Ю.* Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время / Э. Ю. Соловьев. – М. : Молодая гвардия, 1984. – 132 с.
15. *Соловьев Э. Ю.* Политико-юридические завоевания Реформации // Философия эпохи ранних буржуазных революций / отв. ред. Т. И. Ойзерман. – М., 1983. – С. 171–202.
16. *Цыпин В. А.* Церковное право : курс лекций / В. А. Цыпин. – М. : Изд-во МФТИ, 1994. – 440 с.

Political, Legal and Methodological Aspects of the Course «Politics and Religion». Part 1

I. A. Arzumanov

Irkutsk State University, Irkutsk

The first part of the article analyzes methodological aspects of the course “Politics and Religion”. The article examines the objectives, goals and basic components of the course, related to the following concepts: political system, state, political relations and confessional policy.

Key words: politics, religion, political system, state, political relations, confessional policy.

Арзуманов Игорь Ашотович – кандидат философских наук, доктор культурологии, кафедра теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета, 664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10–220, тел. 8(914) 9384607, e-mail: arzumanov@mail.ru

Arzumanov Igor Ashotovich – Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Culturology, the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute of the Irkutsk State University. 664082, Irkutsk, Ulan-Batorskaya St., 10–220, phone: 8 (914) 9384607, e-mail: arzumanov@mail.ru